

RUL

Preis 50 Pfennig

RUL, russische demokratische Tageszeitung
Herausgeber: I. Kessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff

Подписная цена в Берлине и пригородах, с доставкой собственными рассылными ежедневно на дом — 10 мар., почтово 10 мар., при жеждневной непосредственной рассылке — 15,00 мар. В остальную Европу — 3 фр., Голландию — 1 фл., Данию — 3 кр., Швецию — 2 кр., Англию — 3 шилл., Италию — 10 ливр., Америку — 1 долл., Швейцарию — 3 фр., Испанию — 3 пез., Финляндию — 17,80 герм. мар., Латвию — 17,80 герм. мар., Австрию — 15,00 герм. мар., Венгрию — 15,00 герм. мар., Чехо-Словакию — 17,80 герм. мар., Гранию — 17,80 герм. мар., Болгарию — 17,80 герм. мар., Турцию — 17,80 герм. мар., Литву — 17,80 герм. мар., Эстонию — 17,80 герм. мар., Югославию — 17,80 герм. мар., Польшу — 17,80 герм. мар. в восточной пол. в контрор «Руля» за 1 мбсудь 8 м. Къ заказу просить прилагать деннг. во избежанье замедления высылки.

Объявления 3 мар. 50 пф. за строку нонпареи (Штрина строки — одна восьмая часть страницы), для идущих мбсудь и для рыськов — 2 мар. за строку. Прём объявлений и подписки въ «RUL» в Берлине 68, Кохегг. 22-26, и во всьхъ город-кахъ отдѣльных ЦИ-И-И, а также и въ редакцїи газетъ: «Рулъ» Berlin SW 68, Markt-Platz 75. Редакция открыта ежедневно отъ 11 часовъ дня до 2 час. дня. Редакторъ принимаетъ ежедневно отъ 3 до 4 час. дня. Телефонъ редакцїи: Moritzplatz 47-61.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

При ближайшемъ участїи I. В. Гессена, проф. А. И. Мамини и В. Д. Набокова.

№ 208-й

Вторникъ, 26 (13) июля 1921 года.

1-й г. изд.

Берлинъ, 24 июля.

Отнош. П. Н. Милокова
Передъ нами номера «Посл. Новостей» отъ 16, 21 и 22 июля, въ которыхъ излагаются и комментируются результаты совѣщанїи парижской группы парти народной свободы, окончившихся, по словамъ самихъ сторонниковъ новой тактики, — осужденїемъ ея основныхъ чертъ. Практически послѣдствїемъ принятыхъ совѣщанїемъ рѣшенїй явился выходъ П. Н. Милокова и его единомышленниковъ изъ состава парижской группы и образование ими своей отдѣльной самостоятельной группы. До настоящаго времени новая тактика не завербовала себя сколько нибудь замѣтнаго числа сторонниковъ въ другихъ европейскихъ центрахъ. Поэтому сейчасъ приходится говорить не только о расколѣ парти, сколько объ отколѣ отъ нея сравнительно небольшой по численности группы. Нечего и говорить, что такъ какъ эта группа возглавляется тѣмъ лицомъ, которое до сихъ поръ заслуженно пользовалось въ наибольшей степени довѣрїемъ парти, обладало наивысшимъ авторитетомъ, и сыграло въ исторїи парти наиболѣе яркую роль; — отколъ его самого и его сторонниковъ приобретаетъ очень серьезное значенїе для самаго существованїа парти. Пока мѣсто, это значенїе — мѣтное. Удѣльный вѣсъ лидера парти, его боевое настроенїе, свойственное ему упорство — все это, въ связи съ тѣми внѣшними условиями, которыя поневоле лишаютъ парти возможности нормальной политической работы и мѣшаютъ ея правильной организаци и здоровой жизни, — даетъ основание опасаться, что отколъ явится началомъ длительной внутренней борьбы и разложенїа парти.

Если это случится, и будущїи историкъ парти поставитъ себя задачей выяснитъ источникъ ея распада, ему, конечно, придется прежде всего обратиться къ тѣмъ пространнымъ документамъ, которые собраны въ указанныхъ выше номерахъ парижской газеты. Здѣсь онъ найдетъ изложенїе ея гегегд текста четвертой, пятой и шестой «формуль» резолюцїи, онъ займается около половины газетной полосы, и указанїа на содержание первой, второй и третьей, а въ обширномъ фельетонѣ П. Н. Милокова — подробнѣйшїи комментарий, могущїи служить ключемъ къ вариантамъ «формуль». Изучивъ этотъ материалъ, историкъ сопоставитъ его съ тѣми тремя «основными вопросамъ», по которымъ мнѣнїе внутри парти раскололось и обнаружили глубокая, почти принципиальная различїа. «Это — говорится въ статьѣ отъ 16 июля — общее отношенїе къ революцїи, положительное или отрицательное, вопросъ объ устройствѣ власти, способной освободитъ Россїю, устройствѣ авторитарномъ, ливнѣ, или демократическомъ, внутри, и, наконецъ, вопросъ о приближенїи парти къ той демократической социальной базѣ, на которой она и до сихъ поръ стояла въ принципѣ». Къ удивленїю своему, онъ обнаружитъ при этомъ такіе результаты: разногласїе по первому вопросу выразилось въ «формулахъ» только тѣмъ, что П. Н. Милоковъ говоритъ о необходимости добиваться свободы личности и гражданина «въ новыхъ условияхъ, созданныхъ

Событія дня.

Отвѣтъ Гувера Горькому.

(Отъ собственнаго корреспондента).
Парижъ, 25. 7.
По сообщенїю агентства Гаваса изъ Вашингтона Гуверъ въ качествѣ председателя организаци для оказанїа помощи сообщилъ Максиму Горькому, въ отвѣтъ на его призывъ, что на помощь Америки можно рассчитывать только въ томъ случаѣ, если совѣтское правительство освободитъ арестованныхъ имъ американскихъ гражданъ.

Обращенїе національнаго союза.

(Отъ собственнаго корреспондента).
Парижъ, 24. 7.
Национальный комитетъ опубликовалъ два призыва помощи. Въ первомъ призывѣ, обращенномъ къ народамъ всего мїра, комитетъ заявляетъ, что для оказанїа помощи русскому народу благотворительности недостаточно. Необходимо помощь правительства и государствъ. Всѣ народы заинтересованы въ спасенїи Россїи. Комитетъ понимаетъ, съ какими трудностями связано дѣло помощи, когда въ странѣ царятъ большевїстскїи произволъ. Державамъ придется добиваться гарантїи того, что хлѣбъ дойдетъ до голодающихъ. При этомъ не слѣдуетъ однако забывать, что нужно спѣшить, что нельзя терять времени.

ныхъ и побѣдой народа», а большинство группы выкинуло эти послѣднее указанїе, такъ явно замѣстиванное изъ рѣчей гг. Керенскаго и Церетели лѣтмомъ 1917 года и звучащее столь горькой и оскорбительной насмѣшкой въ настоящее время. Изъ «комментарїевъ» историкъ убѣдится, что эти слова иносказательно должны были признаны «завоеванїа революцїи», ея идеалы и достижения, и лишїи разъ усмотритъ, что эти завоеванїа до сихъ поръ такъ и не подлажены сколько нибудь точной формулировкѣ со стороны ихъ защитниковъ. Удивленїе историка возростетъ, когда онъ увидитъ, что по второму вопросу — о методахъ устройства будущей власти — ни одна изъ «формуль» не говоритъ ни слова, и, стало быть, «принципиальное разногласїе» куда то улечупилось. И, наконецъ, удивленїе его превратится въ настоящее изумленїе, когда онъ обнаружитъ, что формула, дающая отвѣтъ на третїи вопросъ — о социальной базѣ парти, — принята единогласно. И здѣсь, мы боимся, онъ окончательно запутается въ словесной паутинѣ комментарий, стремлящихся объяснить, почему сторонники новой тактики, принявшїе данный текстъ, все же считаютъ, что споръ не устроенъ, — и остались непримиримы.

Зато историкъ выяснитъ одно «самое коренное» — по словамъ комментарий — разногласїе, о которомъ, однако, не упоминалось въ числѣ «трехъ вопросовъ». Большинство признало, что новая тактика на дала тѣхъ результатовъ, къ которымъ она стремилась, и что она не объединила общественныхъ группъ, стремящихся къ созданїю широкаго демократическаго фронта. Неотактики не могли, понятно, возразить противъ такого вывода, утверждающаго безспорный и очевидный фактъ. Но она хотѣла

Въ призывѣ къ русскимъ гражданамъ национальный комитетъ указываетъ на необходимость объединиться. Нужно участие въ дѣлѣ помощи представителей независимыхъ общественныхъ элементовъ подъ руководствомъ и контролемъ представителей иностранныхъ державъ. Безъ такого контроля хлѣбъ не дойдетъ до голодающихъ.

Призывъ финансово-промышленнаго союза.

(Отъ собственнаго корреспондента).
Парижъ, 24. 7.
Финансово-промышленный союзъ опубликовалъ воззванїе ко всемъ народамъ и правительствамъ и ко всемъ организациамъ, преслѣдуемымъ гуманитарными цѣли. Союзъ признаетъ, что помощи русскому народу при наличности совѣтскаго правительства не дастъ надлежащихъ результатовъ, и что она окажетъ пользу коммунистамъ, такъ какъ дастъ возможность имъ проринорить своихъ служащихъ. Необходимо, чтобы правительство иностранныхъ государствъ снавали большевїзма «уходитъ», но если большевїи не уйдутъ добровольно, необходимо все же оказать помощь русскому народу во имя гуманности и потребовать отъ большевїковъ гарантїи въ томъ, что хлѣбъ дойдетъ до голодающихъ.

смягчить его, введя оговорки, что достигнуты, «пе всѣхъ» результаты, что они только «до сихъ поръ» не достигнуты, т. е. въ будущемъ еще достигнуты, и что рѣчь идетъ не о сознанїи широкаго демократическаго фронта, а о фронтѣ, образуемомъ тѣми партиями и группами, которыя вошли въ исполнителную комиссию учредительнаго собранїа, и другими, и рѣшѣдующими тѣ же цѣли. Если затѣмъ историкъ перешлыветъ то море словъ, которое разлилось вокругъ новой тактики, — если онъ ограничится только что приведеннымъ «разногласїемъ» и если онъ изучитъ всѣ событїа, протекающїе съ конца прошлаго года до нынѣшняго времени, онъ, думается намъ, придетъ къ очень простымъ и яснымъ выводамъ.

Для нашихъ читателей эти выводы, мы надѣемся, даво уже ясны. Внезапно и круто измѣнивъ линїю поведенїа парти, задавшись явно неосуществимой цѣлью созданїа лѣваго фронта, отбросивъ всѣ общественныя группы и всѣхъ политическихъ дѣятелей, которые въ глазахъ новыхъ железахъ союзниковъ — парти с.р. непримлемы, порвавъ съ русской арміей и тѣми, кто до конца сидѣлъ сохранил ея организацию, загворивъ языкомъ «революцїонной демократїи» и вернувшись на старыя безотвѣтственные позицїи «красныхъ» 60-хъ годовъ и «революцїонеровъ» 70-хъ, авторы новой тактики уже уперлись въ тупикъ. Погнавшись за призракомъ, они уже обманулись.

Сознавшись въ этомъ они не хотять. Но продолжая завѣдомо безнадежную затѣву, они рискуютъ, не добившись никакихъ положительныхъ результатовъ, уйти все дальше отъ идейныхъ и историческихъ основъ парти народной свободы.

Третїи завѣтъ — республика.

Въ 1791 году почти всѣ французы еще были роялистами. Въ одномъ салонѣ заговорили о республикѣ. «Что такое республика?» спрашивалъ Робеспьеръ, грызя ногти. Прошло годъ съ небольшимъ и Францїа стала республикой. Повелїи пово дѣлосчисленїе: 1-ый годъ, 2-ой годъ республикѣ. И, уже на первомъ году, казнили, какъ коптеръ-революцїонеровъ, первыхъ идеологовъ республикѣ — Кондорсе и жирондистовъ.

А на третьемъ году, по нашему въ 1793-мъ, прїѣхавшїи въ Парижъ галльскїи молодой человекъ, Benjamin Constant, удавалъ къ своему удивленїю, что въ столицѣ республики республиканцы только тѣ, кто увѣряетъ, что въ возобновленной монархїи имъ отрубятъ голову. «Кромѣ этихъ кандидатовъ гильотинѣ, яная только одно республиканца писалъ Constant: этотъ республиканецъ я самъ.

Республика безъ вѣры въ нее, по съ казнями, съ возстанїемъ, въ усмирѣнїемъ на право, усмирѣнїемъ на лѣво, съ Фригидоромъ и Валломаромъ, съ шпидотъ и порозитомъ, тпугуларъ до 18 Брюмера 1799 года, ло конституцїа, до фактической диктатуры Бонапарта. Слово республика оставалось на фасадѣ Францїи до логаризацїи диктатуры, до Имперїи.

«Ei tu republica, tu Gallica greggia!» съ негодованиемъ спрашивалъ гнѣвный итальянскїи поэтъ Альфїери.
Что же ты — республика, ты галльское стадо? Республиканцу Альфїери, не такъ какъ П. Н. Милокову, во правились, что словомъ республика прикрывается неволя. Послѣ периода террора, продолжѣнїа, грязи и пошлости, во Францїи наступила реакцїа. Вернулось единодержавїе — императора ерора, королей потомъ. Въ 1848—1852 годахъ опять слово республика — палъ риторическимъ пустословїемъ, палъ отчаянной реакцїей — республика ложь. Слова имперїа до 1870 года, потомъ робко, безъ республиканцевъ, большинствомъ одного голоса, повторились республика. На этотъ разъ она, послѣ отетавки Макс-Матрона, едлывалась правдой и могла бы отразоглавать пятисемицѣлїе.

Все это пришло намъ на память, ибо, говорятъ республика въ Россїи завѣтъ революцїи.

Найдутся у насъ и аналоги съ исторїей республики во Францїи.

Такъ же какъ Робеспьеръ, въ мартѣ 1917 года П. Н. Милоковъ сомнѣвается въ республикѣ.

Но монархїа провалилась на глазахъ у всѣхъ, и республика входитъ въ программы парти. И въ августѣ трогательный Крапткинъ пролагаетъ провозгласитъ республику, и, на словахъ, безтрепетный Керенскїи ея возблїаетъ.

Наймины врагъ, поработивше Россїю, на всѣхъ заголовкахъ пишутъ слово республика.

«Это хорошо, что у большевїковъ республика», говорятъ намъ.

Но понимаемъ, что тутъ хорошаго? Что добраго въ томъ, что бонапартовская Францїа звалась республикой. Что хорошаго, когда слово не соответствуетъ содержанию? Вотъ мы знаемъ, что такое Ленинъ. А Горькїи называетъ его: святой. Святой Владимїръ-Ульяновъ, но равноапостольный. Что тутъ хорошаго? Хорошо, когда республика значить свобода, какъ въ Швейцарїи, Америкѣ, Францїи. А когда въ республикѣ ея владыки говорятъ, что свобода выдумка буржуевъ, форсаль надо допустить — это нехорошо. На фасадѣ поработенной странѣ написано «республика». И этому радуются словопоклонники.